

ЛОКАРМЕН

РАСКРЫТЬ

Лазарь Кармен

Осень в порту

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

Лазарь Кармен

Осень в порту

Дикарь пригорюнился.

Канун зимы, осень. Поздняя, дождливая.

Низко-низко нависли над портом облака и туманы.

Они ползут, окутывая серым флером всю набережную, вросшие в бухты суда, баржи, маяк, брекватер, каждый тюк, каждую громаду угля, черепицы и клепок, – и все рисуется в неопределенных чертах, в дымке.

С моря подул ветер.

Злой, буйный, он рыщет, забираясь в трюмы к угольщикам, полежалыщикам, смольным, забираясь на газовую, где, скорчившись, жарят у трубки свою ветошь два-три тряпичника, в пакгаузы и в обжорку.

Он рыщет, отрывая слабо привязанные к набережной шлюпки, опрокидывая тюки и ящики.

– Осень, осень! – гудит, напевает ветер.

Мрачно глядит дикарь на темный горизонт над рейдом, на темную зыбь моря, на падающие с неба дождевые капли. И текут по его щекам слезы.

Бедный! Он плачет по теплу, по солнцу.

Скоро зачастят дожди. Море – его кормильца – вздует.

А там недалеко – зима. Занесут снега пристань, загудят метели, и покроется море сплошной льдиной.

Порт отрежет от всего мира.

И теперь уже в порту жутко. Пункт замер.

А давно ли?! – в жадные трюмы с утра до вечера с сотен барж, посредством диковинных плавучих элеваторов, – по конвейерам [1] с эстакады, – из бесчисленного множества мешков, втаскиваемых наверх по «скалам» снощиками-атлетами, сыпались неудержимыми реками, водопадами миллионы пудов золотого зерна – ржи и пшеницы.

Вокруг слышалась английская речь, слышались меткие словца, хохот, голоса удалых снощиков, весовщиков, баб-мерщиц, мерщиков, стивадоров, форманов, визитировщиков и приказчиков.

Давно ли из целого ряда германских, французских, итальянских, английских и греческих пароходов, со звоном и грохотом, потрясающим всю гавань, выгружались чудовищные, тысячепудовые машины, железные ко-

тельные листья, прутья, глыбы каррара, накопальни, тяжелые водопроводные трубы?!

Жизнь была ключом.

Это был праздник рабочих сил, праздник труда. И этот праздник чувствовался всюду, на протяжении всей набережной, на всех гаванях, от пункта до «нефтяной», – на Угольной, Практической и Арбузной.

Уголь выгружался в сотнях тысяч пудов. Подъемные краны, лебедки и кадки еле успевали справляться со всей этой массой.

Еле успевала и черная армия угольщиков, снося всю эту массу в корзинах и на носилках на пристань.

Еле справлялись и с хлопком, прибывавшим каждый день из Александрии в тысячах кип.

А теперь!

Раз-два в неделю привезут хлопок да заглянет «джон» за хлебом.

Вечер. Тускло мигают в разных концах электрические шары, рассыпанные по пароводным снастям огоньки и глаза бортов – иллюминаторы.

На набережной ни души, тихо. Только бьет

на море похоронным боем сигнальный колокол, слышны трещотка обходного стража да лай пса, мечущегося на цепи на угольном складе.

Дикарь идет на спуск.

Мимо проходят запоздавший боцман, «рвач» [2] и приказчик.

– Барин, дайте на хату! (на ночлег) – шепчет дикарь, бросаясь от одного к другому.

Но все точно стоворились.

– Пшел, пшел, пьяница!...

Читатель! Если в темную, ненастную ночь вас остановит дикарь, пусть он даже будет пьян, и протянет вам руку, – не гоните его прочь.

И, если можете, уделите ему на хату, дабы, лежа в тепле на матрасе, он мог уснуть и хотя на ночь забыть свою боль и горечь.

Примечания

1

Особые трубы, проведенные с эстакады к пароходам. (*Прим. автора.*)

[^^^]

Мелкий подрядчик. (Прим. автора.)

[^^^]